

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Элеонора
Раткевич

ТАЭ ЭККЕЙР!

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
P25

Раткевич, Э.

P25 Таэ эккейр! / Э. Раткевич. – М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2019. – 338 с. – (Миры Раткевич).

Плохо, когда в королевстве заговор. Когда униженное тщеславие, долгие годы тлевшее чадным огоньком, решает что пора, и готово утопить всё вокруг в крови ради своей мелкой мести. Но с этим можно справиться — разгрести взялся сам наследник престола, недаром ставший Рыцарем Собаки в том возрасте, когда мальчишкам ещё и думать не велят о взрослых играх. И остановить набухающую войну, и разобраться с магом с чужим лицом — ты раньше с таким справлялся, ну и теперь никуда не денешься, так что будь добр, принц Лерметт, собрался и пошёл.

А вот что сложно, что мучительно трудно — это понять, куда в очередной раз занесло встреченного на горной тропе эльфа, которого ты выкапывал из снежного завала. Который бывает невыносим. И который опять поймёт твои слова по-своему, причём так, что хоть под землю провалились. Треклятого упряма. Друга навсегда.

А что охотятся на тебя — да экая невидаль...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74072-7

© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ПРОЛОГ

Больше всего на свете Лерметт любил пропадать где-нибудь.

Например, на самой-пресамой верхушке высоченного дерева. Вот уж оттуда его никакие рыцари не снимут. Не залезут даже. Потому что взрослые и в доспехах. А еще можно затаиться на дне оврага. Или и вовсе утянуться в соседний лес на пару деньков. Там его просто никто не найдет. Разве только собаки... так смешно смотреть, как они кружат по лесу, а голову задрать и на дерево посмотреть нипочем не догадуются. А если все-таки учуют — точно потеха начинается: как примутся на ствол наскакивать, как возьмутся облаивать! Можно подумать, не принца нашли, а белку... вот глупые! Уже потом, когда отец вместо своры борзых начал посылать в лес одного Дичка, игра стала гораздо интереснее. Дичок никогда не взлаивал на горячий след, не тявкал, не поскуливал. Он всегда напрыгивал на Лерметта неожиданно. И не гавкал во всю глотку, призывая дурацких рыцарей. Нет, Дичок ни за что не стал бы так предавать приятеля. Он просто хватал принца зубами за шкуру, закидывал на спину и неизменно доставлял хохочущего мальчишку к воротам замка. Так гораздо лучше, чем упрямо ковылять домой под опекой усталых от двухдневного шляния по лесу рыцарей.

— Медведь-шатун, — неизменно говорил в таких случаях отец. Медвежонок-шатуненок.

Лерметт в таких случаях неизменно же приосанивался, взглядывал украдкой в большое полированное зеркало — и всякий раз огорченно сникал. Нет, ну какой же он медведь? Тощий, встрепанный... ни виду, ни силенок. Так, котикшка недокормленный. Отец, тот и в самом деле на медведя похож мощный, кряжистый. Плечи широченные — сразу видать, сколько лет доспехи носит. А вот Лерметту не повезло. Он не в отца удался, а в маму... нет-нет, он любит маму, он ничего такого сказать не хотел... ну, такого... которого... а все-таки лучше бы ему было в отца пойти — как он будет кольчугу надевать, такой хлипкий? Кость узкая, легкая... котикшка и есть.

— Какой же я медведь? — горестно спрашивал Лерметт, шмыгая носом.

— Медведь-медведь, — смеялся отец. — Самый настоящий. Ведь вот же и волк клыки показывает, и собака рычит, и кот когти выпускает. По всякому зверю понять можно, сыт он и доволен или злится и хочет напасть. Что лев, что тигр... и только у медведя на морде не написано, какую шкуру он учинить вздумал. В точности как у тебя.

Лерметт обижался окончательно.

— Но это даже хорошо, — добавлял отец. — Для принца это очень даже хорошо... а для короля тем более.

Вспомнив шуточные отцовские подначки, Лерметт только улыбнулся. Почитай, одиннадцать лет минуло с тех пор, как велись эти разговоры... или даже чуть больше? Странно, с чего бы ему вдруг на память пришла та, совсем было уже позабытая шутка?

Медвежонок-шатуненок... Давешний медвежонок вырос — но никак уж не медведем. Скорее диким котом или даже леопардом — поджарым, прыгучим и дерзким. А вот шатуном... да, шатуном он как был, так и остался. Ничего не поделаешь — лучше всего принц Лерметт чувствует себя не в замковой библиотеке, не в тронной зале и даже не на площадке для фехтования, а в до-

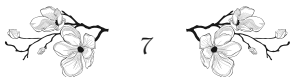
роге. Какой бы она ни была — пешей или конной, трудной или легкой... пусть бы и скучной! Для кого угодно скучной — но только не для него. Лерметт никогда не скучал в пути.

Вот и сейчас он дышал легко и привольно — все-таки дорога взяла свое. А ведь на сей раз ему, против обыкновения, отчего-то не хотелось уезжать. Такая отчего-то тяжесть на сердце... да правду сказать, повод у поездки премерзкий. Потому и кошки на душе скребут — еще бы! Лерметт на месте этих воображаемых кошек не только устроил бы из гостеприимно распахнутой души когтедралку, но и зашелся бы гнусным истошным мявом. Мерзкий повод, мерзкий... вот поэтому обычного рыцаря или там наместника недостаточно, чтобы разобраться с тем, что случилось в Луговине. Поэтому он едет — и не в Луговину даже, а за перевал. Простого владетельного сеньора за перевал бы нипочем не пустили — а принца, может, все-таки пустят. И уж во всяком случае, выслушают. Всю свою жизнь, с тех пор, как Лерметт начал осознавать себя, он мечтал увидеть, что там, за перевалом. Глупо как-то получается. Ну почему для осуществления заветной мечты непременно должна случиться какая-нибудь гнусность? Неужели нельзя было съездить просто так?

Лерметт покачивался в седле, задумчиво покусывая сладкую травинку. Отвратительная причина его поездки успела если и не забыться полностью, то уж во всяком случае примолкла до поры в потаенных уголках сознания и напоминать о себе не пробовала. Зато дорога не нуждалась в том, чтобы напоминать о себе — она и так была повсюду. Она стелилась под ноги коню, ложилась росою на плечи, ветром трепала волосы...

Лерметт натянул поводья, и конь послушно остановился.

Все верно, остаток пути принцу предстоит пройти пешком. По левой седловине перевала дорога хоть и конная, а не ближняя. А по правой всего-то день пути — но пешком. Эх, вот если бы Лерметт не по тягостной надобности отправлялся через перевал, а по своей воле, он непременно поехал бы по левой седловине — не потому, что этот путь легче, а потому, что длиннее. Как же было бы прекрасно — продлить немного томление, готовое раз-

решиться от бремени ожидания... ехать, лишь смутно догадываясь, что откроется его взору за перевалом, мысленно рисуя себе всевозможные чудеса, мечтать и поддразнивать себя собственными мечтами, смеяться и мечтать снова...

Лерметт снял с седла сумку и забросил себе за спину.

— Домой, — велел он, хлопнув жеребца по серому в яблоках крупу.

Скаун послушно развернулся и легким кентером направился прочь. Принц проводил его взглядом.

Достать, что ли, плащ из скатки заранее?

Да нет, успеется.

Когда серый в яблоках жеребец окончательно исчез из виду, принц обернулся.

Прямо перед ним вздымалась правая седловина Хохочущего Перевала.

ГЛАВА 1

аг Эннеари был подобен дыханию — легкий, размеренный, упругий. Камни, во множестве усеявшие тропу, его не беспокоили. Эльф просто-напросто

не обращал на них никакого внимания... ну, или почти никакого. Для молодого гибкого сильного тела эти гранитные обломки — не препятствие. И вовсе не надо быть опытным скалолазом, чтобы преодолеть Хохочущий Перевал. Даже человек пройдет его за день — а эльф, пожалуй, и того быстрее обернется. Если, конечно, изберет правую его седловину, а не левую — безопасную, пологую, с широкой дорогой, по которой не только всадник, но и телега проедет... и потратит на этот путь почти три дня. Правую седловину не одолеешь ни в телеге, ни даже верхом — только пешком. Зато и пройти ее можно от восхода до заката. Оно верно, что осыпи и камнепады здесь случаются нередко — ну, да ведь какой эльф, если он в полном уме и сознании, под камнепад полезет! Такая беда разве что с человеком случиться может. А эльф опасное место загодя почует, десятой дорогой обойдет.

К слову сказать, об опасном месте — вот этот валун вовсе не так надежно лежит, как вид оказывает. Притворяется каменюка. Разлегся поперек тропы — такой громадный, такой обманчи-

во неподвижный... ну прямо так и кажется, что нет силы, способной стронуть его с места. Что тут долго думать — хватайся за приманчивый выступ, видишь, вот же он, просто как нарочно сюда приделан! — ухватись, взлезь на валун да спрыгни по другую его сторону! А на самом деле стоит ухватиться за выступ — и валун перевернется, накатит на доверчивого путника и подомнет его под себя.

Эннеари присвистнул тихонько и задрал голову кверху. Что же... можно и так. Валун, конечно, не ко времени на пути подвернулся, и лезть на него не просто опасно, а самоубийственно — но зачем же лезть, если можно обойти? Вот по этой каменной стене и обойти. Она хоть и выглядит устрашающе — да зато, в отличие от валуна, действительно надежна. И гораздо удобнее для подъема, чем на первый взгляд кажется. Есть на ней и щербинки, и трещинки... будет, куда ногу поставить. Кстати, не так уж высоко лезть придется. Этот обрыв всего-то в десять раз выше Эннеари... ну ладно, в двенадцать. Тоже не расстояние. А там, наверху, проходит еще одна тропинка. Очень удобная. Пожалуй, еще удобнее, чем нижняя. Вот только спускаться по ней придется чуточку дольше... или все-таки нет? Если прибавить шагу, сумерки его не нагонят.

Да и в любом случае другой дороги в обход здесь нет — разве что вернуться назад и попытать счастья на той развилке тропы, которая уходит круто вниз сразу за Цветными Камнями. Вернуться — и потерять не час-другой, а полдня.

Ну вот еще!

Эннеари вновь смерил взглядом расстояние до гребня стены, без всякой нужды поправил зачем-то и без того удобно висящий колчан и положил кончики пальцев на шершавые каменные заусенцы.

Подъем и впрямь оказался нетрудным. Ни разу рука Эннеари не ошиблась в поисках очередного выступа, ни разу нога его не соскользнула с мимолетной опоры. Он и сам не знал, откуда взялось неожиданное ощущение опасности.словно кто-то невидимый замолотил его спину кулаками, давясь безмолвным

